

Тело онемело. Лёгкие словно охватило огнём, и Фэн Мин понял, что в глазах у него плывёт. Он уже не видел перед собой чужого лица — всё смешалось, и он отчётливо чувствовал, как шум крови отдавал в голову. Ещё немного — и он снова умрёт, он задохнется, его убьют. Убьют тело, которое по счастливой случайности досталось ему за его самопожертвование. Он схватил мужчину за руки, царапал их, бил, но толку не было никакого — господин Жун превосходил его в силе, и принц, предпочитавший алкоголь здоровому образу жизни, не мог с ним тягаться.

Он слышал, как смерть подходит всё ближе, и вдруг господин Жун ослабил хватку. Его сильная рука оторвалась от тонкой хрупкой шеи, которую ему хватило бы сил переломить одной рукой, и взглянул на её обладателя.

Комнату наполнил хрип принца, его надрывный кашель и звук громкого жадного дыхания. Разум Фэн Мина был ещё затуманен недавней болью, и он оперся о бортик, чувствуя, как вместе с воздухом в его тело возвращается жизнь. Ещё никогда никто не душил его, и только теперь он понимал весь ужас недостатка кислорода.

А господин Жун смотрел на принца, не спуская глаз, и видел, как тот постепенно успокаивался и приходил в себя. Фэн Мин инстинктивно отодвинулся от него подальше, но мужчина больше не нападал, а лишь разглядывал, изучал. Раньше князь-регент множество раз мучил наследного принца подобным образом, и он множество раз видел слёзы, слышал мольбы прекратить, и в те моменты этот красивый юноша был непомерно жалок и ничтожен. Любой мог бы овладеть им и подчинить себе, и тот бы не воспротивился, даже если бы рядом с ним оказался своевольный раб. Принц обладал невероятно слабым характером, и господин Жун презирал его за это.

Что же изменилось теперь? Почему столь ничтожный наследник, позоривший Силэй долгие годы, теперь молчит? Где его мольбы, где слёзы?

Фэн Мин уже тем временем успел прийти в себя и вылезти из воды, чтобы покинуть комнату, однако регент не собирался оставлять эту ситуацию так просто. Он в несколько шагов настиг наследного принца, на котором остался только скромный халат, прилипший к телу, и схватил его за подбородок, заставляя посмотреть на себя. Это было не ласковое прикосновение — руки у регента были сильные, с широкими ладонями и крепкими пальцами, — и Фэн Мину показалось, что ему хотят сломать челюсть.

Регенту в тот момент думалось, что эти глаза слишком полны жизни, несмотря на произошедшее, и их обладатель полон энергии. Он вёл себя достаточно смело, и даже сейчас, оказавшись в плену чужих рук, не забывал о своём достоинстве. Только как это чувство могло появиться у человека, который всю жизнь позволял над собой издеваться?

Несмотря на свою бесполезность, наследный принц был сказочно красив. Ни один мужчина в мире не обладал такой чистой белой кожей, и ничьи волосы не были такими густыми и послушными. А эти тёмные глаза, тонкие руки, нежное тело, — неопишущая красота, достойная поэм лучших поэтов и песен искуснейших музыкантов. Господин Жун схватил Фэн Мина за запястье, сжимая его с такой силой, что у принца мгновенно онемела рука. Это давление в глазах Фэн Мина не имело под собой никаких оснований, никакой логики и хоть

немного адекватной причины, и на ум приходило одно: господин Жун давит на него своим статусом так же сильно, как желает захватить власть в Силэй.

— Обезумел от страха и слова вымолвить не можешь? — с издёвкой спросил господин Жун, не выпуская прекрасный подборок. — Нет нужды заниматься со мной показухой. Я не изменю мнение о тебе, что бы ты из себя ни строил. — Он ущипнул Фэн Мина за щёку и отпустил его.

Лишь на этих словах Фэн Мин пришёл в себя, и его тело охватил озноб. Это ощущение возникло, возможно, из-за того, что господин Жун только что чуть не задушил его в холодной воде, или, быть может, из-за того, что он недавно путешествовал во времени, и его душа не успела осознать, что находится в чужом теле.

— Что ты творишь? — спросил он, чувствуя, что у него всё ещё кружится голова. А как болела шея! Наверняка на ней останутся яркие синяки, которые вся прислуга будет пытаться скрыть. Фэн Мин прекрасно знал о дворцовых страстях любой эпохи и был готов к ним, но всё-таки в глубине души понимал, что пока ещё не твердо стоит на ногах, чтобы бороться с кем-то.

Регент шумно вздохнул и принялся разминать мышцы на руках. Фэн Мин не сдвинулся с места и вперился взглядом в точеное лицо, понимая, что ему, возможно, сейчас придётся стерпеть ещё одну порцию боли.

— Перестань! — приказал принц, не желая больше смотреть на эту показушную силу. Это было похоже на демонстрацию собственного превосходства, а этого Фэн Мин не любил.

— Что? — засмеялся господин Жун и несильно стукнул Фэн Мина по голове. — Ваше Высочество, Вы действительно сегодня переполнены храбростью.

Эти слова были похожи на мягкую поступь гепарда, и Фэн Мин подумал, что регент обязательно сейчас же должен напасть, иначе попытка произвести такое жуткое впечатление пропадёт зря. Лицо принца всё ещё было красным, и оттого его приказы не производили на господина регента совершенно никакого впечатления.

— Ты вновь раздражаешь меня, — сказал господин Жун. — Неужели тебе хочется попробовать на вкус мой гнев?

Фэн Мин гневно распахнул глаза.

— Кто позволил тебе так разговаривать со своим принцем? — спросил он, а господин регент лишь рассмеялся.

— Разве так было не всегда? Почему же именно сегодня ты чувствуешь обиду? — спросил он с издёвкой.

Фэн Мин едва не задохнулся от возмущения.

— Ты!...

Что он мог противопоставить этому человеку? Он не обладал силой, имел рост куда меньший, чем у противника, и его тело явно не было предназначено для драк, однако было вполне выносливым, раз уж смогло стерпеть такие пытки. К тому же, Фэн Мин был ещё слаб, и после удушения не смог бы дать отпор, даже если бы очень захотел.

Во дворце царил беспорядок. Не только молодой господин Тун, грубивший принцу столько раз, наводил свои порядки в Силэй, но и регент Жун переходил все границы дозволенного. Они оба были у власти, и Фэн Мин не имел в собственном дворце никакого влияния. Его никто не уважал, никто не боялся, и его мнение было столь же незаметным и незначительным, сколь и прозрачная дымка. Был лишь один плюс, который он успел подметить, — вкусная еда. И Фэн Мину подумалось, что его новая жизнь была бы не такой уж плохой, если бы не этот регент Жун, которому так нравилось издеваться над слабым принцем.

Но так больше не может продолжаться!

— Подлец! — закричал на него Фэн Мин, до этого пытавшийся быть не таким грубым. — Отпусти меня!

Регент снова схватил его за шею, но не так сильно, как в прошлый раз, и грозно спросил, едва касаясь своими губами чужой кожи:

— Ты посмел повисить на меня голос? — тихо спросил он низким голосом, и Фэн Мину показалось, что он слышал звериный рык. Регент приблизился и впился в чужие губы грубым поцелуем, но Фэн Мин, не терпевший такого отношения к себе, укусил его!

Господин Жун тут же оторвался от губ, и его лицо выразило совершенное непонимание. Ещё никогда этот мальчишка не давал ему отпор, и теперь, когда его губа кровоточила от укуса, Фэн Мин понял, что только больше разозлил его.

— Проклятье! — выругался принц. — Отпусти меня, понял?!

Губы Фэн Мина были красными от чужой крови. Взгляд господина Жуна потемнел, и мужчина облизал губы, словно готовясь к тому, чтобы прикончить дерзкого наследного принца. Фэн Мин же тем временем думал о том, как бы ему увильнуть от регента. Его попытка, конечно, провалилась, и господин Жун лишь сильнее сжал его шею, словно желая сломать её. Фэн Мин от боли стиснул зубы, но не проронил ни звука.

Мужчина поглядел на принца, который одним своим укусом уже произвел на него впечатление. Фэн Мин же не собирался сдаваться и был готов сейчас же напасть на регента,

который проявил к нему такое неуважение, однако и сам регент не расслаблялся. Схватив принца за волосы, он потянул их вверх, а затем, не выпуская и без того ослабшего Фэн Мина, ударил его в грудь, выбивая весь воздух. Наследный принц снова начал задыхаться, но у него хватило сил поцарапать чужую руку, и когда её пальцы разжались, Фэн Мин упал на пол, однако в следующую же секунду получил удар в живот ногой и больше не смог подняться.

— Ты осмелился укусить меня? — спросил регент и коснулся пальцем собственной окровавленной губы, находясь в состоянии, когда после осознания ситуации приходит гнев.

По сценарию наследный принц, которого всего лишь один удар мог ввести в состояние истерики, уже должен был расплакаться от ужаса, но вместо этого господин Жун заметил лишь горящие ненавистью глаза. Даже лежа на полу и едва дыша, принц продолжал сохранять достоинство.

Фэн Мин понимал, что проиграл эту битву. Он был не так силен физически, чтобы противостоять регенту, и не был сторонником насилия, именно потому господин Жун так легко одержал над ним победу.

— Даже если я сейчас слаб, — сдавленно произнёс он, делая короткие вдохи, — если ещё раз ты... Я тебя...

Поплыли круги. Фэн Мин закрыл глаза и провалился во мрак.

Он проснулся, когда комнату уже освещал солнечный свет. Видимо, оказываться после невероятных событий в удобной постели — его участь.

Но самое худшее уже было позади. Фэн Мин вздохнул, а затем повернулся, чтобы позвать к себе служанку, как вдруг наткнулся взглядом на сидящего рядом регента. Почему-то в их первую встречу он показался куда старше, чем был на самом деле. Возможно, возраста ему прибавлял скверный характер и нахмуренные брови. Такой человек хотел задушить, сломать, унижить, и всё это нисколько его не молодило. Он был очень похож на отрицательного персонажа из классического фильма про древнее царство. Талантливый, но очень злобный мужчина, мечтающий захватить власть, — чем не харизматичный противник?

— О чём Вы задумались, Ваше Высочество? — спросил он с издёвкой. Очевидно, он желал, чтобы Фэн Мин чувствовал себя принижено, однако принц лишь огляделся, заметив рядом нескольких служанок, и не заметил больше никого, кто мог бы помочь ему ненавидеть господина Жуна. Он оставался одинок в своей ненависти, и стоило только взглянуть на регента, как сразу становилось понятно, кто из них обоих больше похож на будущего правителя Силэй.

С самого начала регентом был выбран человек, который мог бы держать под контролем наследного принца.

— Я задал вопрос, — поднял подбородок господин Жун, вдруг став похожим на высокомерного господина Туна. — Вы не расслышали?

Фэн Мин, разозлившись, крикнул:

— Цао Цао [1]!

Господин Жун выгнул бровь.

— Цао Цао? Что это? — спросил он, и было ясно, что перед Фэн Мином оказался невежа, который даже не читал «Троецарствие» [2]!

Вряд ли Фэн Мин мог бы объяснить регенту, кто такой этот Цао Цао, однако, если верить повествованию, первый министр династии Хань и князь-регент Силэй имели слишком много схожих черт!

Внезапно Фэн Мин что-то вспомнил и тут же уставился на господина Жуна.

— Вчера ты меня... Когда я упал... — пытался произнести он, но стоящие в комнате не могли понять, что он хотел спросить.

Регенту даже на миг показалось, что принц издевается над ним. Мужчина заметил, что никто из слуг не посмел даже косо посмотреть на принца, несмотря на то что он что-то мямлил, — видимо, каждый был впечатлён его поведением. Господин Жун усмехнулся, а после принял показушный задумчивый вид, словно пытался что-то вспомнить.

— Да или нет, — загадочно отозвался он, определенно поняв, что хотел спросить наследный принц. — Нет или да. Не могу вспомнить.

Какая подлая выходка! Фэн Мин был вне себя от злости, и когда слуги начали тихо перешептываться, он стиснул ладонь в кулак и, замахнувшись, со всей силы ударил регента по лицу.

— Подлец! — закричал он. Этот регент ещё с ним играть вздумал!

С самого детства Фэн Мин защищал себя от обидчиков. Он жил в приюте, но нельзя было сказать, что с ним обращались плохо. Его любили воспитатели за любознательность, однако не все дети прониклись к нему такой же любовью, и потому приходилось защищать себя любыми способами. Фэн Мин так привык отстаивать свою честь кулаками, когда другого варианта не оставалось, что и сейчас без колебаний ударил регента. Наверное, на этом прекрасном лице после такого удара останется синяк.

Никто из присутствующих не мог предугадать такой поворот событий. Все мгновенно стихли, и в комнате повисла тяжёлая тишина. Служанки тихо попятились к стене, стража у дверей сглотнула, но не смела шелохнуться. Все боялись той грозы, которая могла сейчас коснуться каждого присутствующего, и Цю Лань подумала, что сейчас вот-вот грянет гром.

На один лишь миг Фэн Мину показалось, что он поступил неправильно, когда ударил регента в присутствии слуг. Он никогда не был жестоким человеком, но отличался ослиным упрямством. Он умел защитить себя, и как только он почувствовал жестокость в свою сторону, как тут же решил отстоять свою свободу кулаками. Его решимость была достойна похвалы, поскольку он не обладал ни сильным телом, ни властью, ни влиянием, и господин Жун действительно напоминал ему Цао Цао.

— Ты меня ударил? — спросил господин Жун, а после резко схватил принца за руку и дернул того на себя. — Вчера ты укусил меня, и я простил тебе это, а сегодня ты меня ещё и ударил?

Слуги часто становились свидетелями издевательств над наследным принцем, но именно сегодня они были перепуганы до смерти. Безвольный принц сначала укусил регента, а затем ударил его!

— Я не обязан уважать тебя, когда ты издеваешься надо мной! Ты вчера сделал всё, что хотел?!

— Это не в первый раз, но почему именно этот случай вызвал у тебя такие эмоции?

Фэн Мин снова сжал кулаки.

— Но я никогда не хотел тебя утопить, — закончил господин Жун, приняв суровое выражение.

Фэн Мин вновь замахнулся и вновь ударил мужчину по лицу, но уже не с такой силой, как в первый раз.

— Считаешь себя самым умным? — свирепо спросил Фэн Мин, готовясь к ещё одному нападению. — Думаешь, твоя ложь меня разжалобит? Когда ты опускал меня под воду, ты тоже не хотел утопить меня?!

Господин Жун потёр своё многострадальное лицо, на котором рисковал появиться ещё один синяк, а после неожиданно спокойно поглядел на Фэн Мина и, слегка улыбувшись, сказал:

— Если ты хочешь удостовериться в моей честности, задавай мне вопросы.

Такая перемена настроения даже понравилась разозлённому принцу. У него оставалось ещё великое множество вопросов к этому человеку, но в данный момент ему хотелось лишь одолеть этого Цао Цао, а не разговаривать с ним.

— У меня нет никаких вопросов, — гордо вздернул подбородок Фэн Мин, желая вести себя подобно принцу. Поведение регента изменилось, и это дало ему надежду, что у него хватило сил приструнить этого наглого мужчину.

Господин Жун неожиданно улыбнулся чуть шире, и его глаза блеснули холодом.

— Что же, — беззаботно сказал он, — а вот у меня ещё осталась пара вопросов.

Он говорил с Фэн Мином, как с ребёнком. Принц нахмурился, и регент махнул рукой, заставляя всех слуг с поклоном удалиться. Когда в комнате стало пусто, Фэн Мин недоверчиво поглядел на господина Жуна.

— И что ты хочешь спросить? — выгнул он бровь, скрестив руки на груди.

— Во-первых, кто ты такой? — спросил мужчина, и у принца от холода его взгляда побежали мурашки по всему телу. Фэн Мин почувствовал, как сердце испуганной пташкой забилось в груди.

— Я? — изумлённо спросил он, стараясь всем своим видом показать полное недоумение, как неожиданно господин Жун, снова не жалея сил, сначала ударил его, а затем схватил, чтобы у принца не было даже мысли сбежать.

— Ты не принц, — сказал регент, сжимая чужие плечи так, будто желал сломать их. — Кто ты такой?

— Я наследный принц Силэй! — продолжал упрямо гнуть Фэн Мин. Если бы хоть кто-то узнал, что его душа захватила тело будущего правителя Силэй, его бы сожгли живьём.

Господин Жун захохотал и сжал плечи принца так, что те едва не захрустели.

— Ты — наследный принц? — не унимался он. — Даже трусливый дворовый пёс больше походит на него, чем ты. Разве у прежнего принца хватило бы смелости укусить меня, а потом и ударить? Не надо говорить мне, что твой характер изменился, когда ты упал в воду, — настоящий принц даже после этого не обрёл бы храбрость. Говори, кто послал тебя?

---

[1] Цао Цао — китайский полководец, автор сочинений по военному мастерству и поэт, первый министр династии Хань. Фэн Мин использует это имя, чтобы обозвать регента жестоким подлецом и хитрым человеком.

[2] «Троецарствие» — роман, повествующий о событиях эпохи Троецарствия.